

18+

Александр Пальчун

СВАДЬБЫ И КАРТЫ

Александр Пальчун

Свадьбы и карты

«Издательские решения»

Пальчун А. П.

Свадьбы и карты / А. П. Пальчун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-596518-9

Два ловких, не лишенных юмора авантюриста спасаются от преследований. Они ведут кочевую, полную приключений и опасностей, жизнь. За ними охотятся влюбленные женщины, правоохранители и местная мафия. Выручает их только невиданная изворотливость.

ISBN 978-5-00-596518-9

© Пальчун А. П.
© Издательские решения

Содержание

Знакомство с Филюком	6
Первая женитьба Филюка	10
Персик в третьем ряду	17
Как я проучил Филюка	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Свадьбы и карты

Александр Петрович Пальчун

© Александр Петрович Пальчун, 2023

ISBN 978-5-0059-6518-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Знакомство с Филюком

Иван Петрович Густолес, ветеран бесчисленных сражений за карточным столом, сидел у окна в своем загородном доме. Он постучал трубкой о подоконник, прочистил ее разогнутой скрепкой и сказал со знанием дела:

– Нет, не всех, не всех Господь наделяет талантом. Мошенником надо родиться. Вот послушайте, при каких обстоятельствах я познакомился со своим напарником Вениамином Филюком. Это был настоящий артист!

В то анафемски жаркое лето занесло меня в пыльную Астрахань. Духотища невероятная. А на мне шевиотовый костюмчик, в котором я парился, не хуже грешника на сковородке. Голова не соображала, а в теле такая расслабленность, что попадись на дороге червонец, и то бы не наклонился. А чтобы повернуть какое-то дельце – и думать не хотелось.

Спрятался я от астраханского зноя в летнем кафе. Заведение деревянное, архитектура продувная – окна настежь, а сверху какая-никакая, а все-таки крыша – хоть макушку не печет. Взял я на раздаче салатик, бутылочку пива и гуляш из барашка. Присел за перегородкой у открытого окошка – вроде как в отдельном номере. Поковырялся в салатике, отведал баранины и сразу понял, что барашек этот при жизни был еще той скотиной. Вероятно, в последний момент догадался, куда его волокут, и сознательно подпустил своей подлой желчи – мясное горчило и отдавало валерьянкой. Остальное терпимо – над головой растворенное окно, оттуда веет нечто вроде сквознячка, и пиво почти холодное.

И тут у моего стола с подносом в руках остановился оборванец лет сорока. Вежливо обратился: можно ли присесть?

– Ради бога, садись, места хватает.

Стол был достаточно просторным, а у бродяги всего одна тарелка с макаронами, сарделька и два кусочка хлеба.

Незнакомец присел напротив и набросился на сардельку, словно три дня ничего не ел.

Я, как человек наблюдательный, сразу угадал всю его биографию, словно в книжке прочитал. Нищета – еще тот косметолог. Она хорошо поработала над его внешностью. Две большие залысины, лицо загорелое – даже багровое – побывало в нескольких авариях. На одной из бровей заметный шрам, а под глазом еще не сошедшая отметина чьего-то кулака. Руки заметно подрагивают, а это о многом говорит. Тужурка на нем выцветшая, из породы долгожителей.

Незнакомец молниеносно справился с сарделькой и хлебом, покосился на мой гуляш и, перед тем как прикончить макароны, отправился за дополнительным хлебом – благо он на раздаче лежал отдельно, и брать его можно сколько угодно.

Я посмотрел на его стоптанные кроссовки и получил о знакомце полное и окончательное представление. Это один из тех бедолаг, которые топают по жизни единственно уготованной им дорогой – где родился, там и пригодился. Колея так колея, болото, так болото. Ни ума, ни фантазии свернуть с выпавшего пути, оглядеться по сторонам, подыскать себе более удобную тропинку. Опять же – дрожание рук. Сколько надо выпить, чтобы приобрести такую вибрацию?

Незнакомец вернулся с тремя кусками хлеба в руках и неожиданно завопил на все кафе:

– А ну, кыш, проклятая!

Я уставился на него, ничего не понимая. А он продолжил:

– Пожрать не дадут! Развели курятник! Официант!

На его крик в замасленном переднике прибежал испуганный сотрудник заведения.

– Извините... в чем дело?

– А в том, что у вас птицы по залу летают! Утащили сардельку!

– Какие птицы?

– Голубь! Какие же! Схватил и вылетел в окно. Вот товарищ видел, – оборванец указал на меня.

Официант повернулся в мою сторону.

Я по достоинству оценил спектакль, устроенный бродягой в надежде бесплатно получить дополнительную сардельку.

– Да, – подтвердил я. – Схватил, подлец, и улетел.

– Куда улетел? – спросил официант.

– В окно, куда же еще.

– В какое окно?

– Вот в это, – я указал в ослепительно белый небесный квадрат над моей головой, откуда веяло сквознячком.

– А вы не ошибаетесь?

– По поводу чего?

– Насчет голубя.

– Что я, по-вашему голубя от попугая не отличу?

– А если это была чайка? – не унимался официант.

Я не стал спорить:

– Хорошо. Ежели вы привыкли, что обеды в вашей забегаловке таскают чайки – я не возражаю. Пусть будет чайка.

– Вот что, дорогой товарищ, – лицо официанта сделалось строгим. – Посмотрите в окно и убедитесь, что там установлена сетка, в которую и комар не проскочит!

Я повернул голову и обомлел. Действительно, распахнутое окно было забрано мелкой сеткой, невидимой на фоне яркого неба.

– Значит, это он съел мой обед, – сказал бродяга и указал в мою сторону.

– Я?!

– А кто же, если птица сюда не залетит? А если залетела, то где она? Испарилась?

– На птицу хотел свернуть, – заметил официант. – А с виду вроде приличный.

Официант обернулся к бродяге.

– И как вы думаете с ним поступить?

Вместо бродяги ответил я:

– Я заплачу за съеденную сардельку и закажу ему еще десять!

– Дело не в сардельках, – ответил бродяга. – Твои сардельки у меня поперек горла станут. Сегодня ты обожрал меня, завтра еще кого-то ограбишь. Надо вызывать полицию.

– Полицию так полицию, – согласился официант. – Вы пострадавший, вам и решать.

Дело принимало нежелательный оборот. Не хватало еще оказаться в участке, где примутся устанавливать мою личность, снимать отпечатки пальцев и обвинят в воровстве сардельки. Более унижительную ситуацию трудно представить! Я – знаменитый игрок, можно сказать, виртуоз карточной колоды, скатился до того, что стащил обед у голодного оборванца.

– Мужики, – сказал я, – давайте поступим иначе. Да, я виноват. Черт меня дернул! Сам не знаю, как получилось. Помутнение разума. Клептомания. Взял и зачем-то сожрал чужую сардельку. Меня не в полицию, а в больницу надо, где я состою на учете. Но и туда мне не хочется. Я готов заплатить...

– Сколько? – по-деловому спросил оборванец, утратив свой недавний гнев.

– У меня сто долларов...

– Мало. Давай двести.

– Извините. Я бы и рад, но это все что у меня есть, – соврал я, не моргнув глазом. На самом деле в моем кармане лежало две тысячи долларов. Но отдавать двести баксов за несъеденную сардельку не хотелось.

Официант вопросительно повернулся к «пострадавшему». Бродяга наморщил лоб, а потом великодушно махнул рукой:

– Так и быть. Где мое не пропадало.

Я достал сотенную, лежащую в отдельном кармане, ибо я с детства не привык демонстрировать лопатник посторонним. Бродяга взял купюру, небрежно засунул ее в задний карман, словно мелкую сдачу, и распорядился официанту:

– Ростбиф, бутылку вина и кофе.

Вскоре он с невозмутимым видом принялся уплетать принесенное.

– Выпьешь? – спросил он, кивнул не бутылку.

– Спасибо, воздержусь.

Я все еще негодовал по поводу того, как этот мерзавец развел меня на сто баксов.

– Когда охотишься за сардельками, – сказал я, – сначала изучи обстановку и убедись, что на окнах установлены сетки.

– Я и так знаю.

– Что знаешь?

– Что они там стоят.

– Ты хочешь сказать... что знал... видел сетку?!

– Не близорукий.

– погоди! Но ты орал на весь зал, что тебя птицы ограбили.

– Мало ли что я орал. Главное, что ты подыгрывал мне. А добрые дела, земляк, всегда должны наказываться.

Оборванец допил вино, вынул из кармана на удивление чистый носовой платок и, нисколько не стесняясь меня, вытер бровь и щеку под глазом. Его шрам и синяк бесследно исчезли. Надо ли говорить, что я еще раз был потрясен артистизмом, с которым этот прохвост развел меня на деньги. Когда я пришел в себя, то спросил:

– И давно ты практикуешь «ресторанный бизнес»?

– Нет, не очень.

– Это никуда не годиться – можешь нарваться на неприятности. Не все так охотно расстаются с деньгами.

– Согласен, не все. Но в тебе я не сомневался. Ты не захочешь оказаться в участке из-за ворованной сардельки.

– Берегу свою честь?

– И не только... – как-то неопределенно ответил жулик, лицо которого к этому времени сделалось почти интеллигентным. Дрожь в его руках исчезла, и вовсе не от выпитого вина. Только теперь я догадался, что алкогольная вибрация тоже была спектаклем.

Честно признаюсь, в тот момент я зауважал собеседника и обратился к нему с деловым предложением. Но сначала представился:

– Зовут меня Иван Густолес.

– Вениамин Филюк, – ответил мошенник.

– Очень приятно. Вениамин, я давно подыскиваю себе напарника. Чем занимаюсь, объясню позже. Но мое дело намного прибыльней твоего. Ответь мне сразу, согласен или нет?

– Сразу ответить не могу, мне надо посоветоваться с товарищем.

– С каким товарищем?

– С Прохазкиным, – уловив мой недоуменный взгляд, он добавил, – ты его видел. Который изображал официанта.

– Что?! Он... не официант?

– Какой официант! Здесь самообслуживание, а не ресторан.

– Так вы... вы вместе?..

– Странный вы народ, – благодушно ответил собеседник. – Полные карманы денег, а в этой жизни ничего не понимаете.

Я вновь восхитился, узнав, что меня разводили вдвоем. Но вместе с тем откуда-то появилась и обида. Обида не за потерянные деньги, а за скромную оценку моих способностей.

– Это я ничего не понимаю в жизни?!

– Разумеется. Иначе бы не отдавал деньги. Зачем отдал?

– А затем, что посмотри вон туда, – я указал на висевший под потолком датчик пожарной сигнализации. – Знаешь, что это такое?

– И знать не хочу.

– Напрасно. Это видеокамера с микрофоном. Я давно за вами охочусь. И все, что вы здесь устроили, записал этой штуковиной.

Мой собеседник утратил свое недавнее спокойствие.

– И по моему заявлению, – продолжил я, – ваши две физии развешат на всех столбах, и быть вам за решеткой. И она будет покруче этой. – Я указал на окно. – Гони сто баксов обратно!

Мой собеседник тяжело вздохнул, неохотно достал деньги из кармана, молча положил на стол.

– Я покажу вам... ничего не понимаю в жизни!.. – продолжил кипятиться я. Но постепенно начал остывать. – Это вы, мелкотравчатые, ничего не понимаете... Так и быть, деньги оставь себе – ты их заработал честно.

Вот при каких обстоятельствах я познакомился с моим бессменным товарищем, в прошлом актером, Вениамином Филюком. Иной раз, когда я бывал не в духе, то называл его не иначе как Веней Сарделькиным.

Первая женитьба Филюка

– Что еще рассказать о Филюке? – продолжил свой рассказ Иван Густолес. – Пару лет до нашей астраханской встречи его вышибли из театра. И правильно сделали. Виной тому его легкомыслие, непредсказуемость, авантюризм, хроническое влечение к женскому полу и вместе с тем иной раз такая наивность, что просто диву даешься.

Я встретил Филюка в один из нелегких периодов его жизни – он только что развелся с женой, оставив ей все свое нехитрое имущество. Он рассказал, как это произошло.

– Ваня, когда меня уволили из театра, я придумал для себя новое занятие – выдавал себя за риэлтора. Находил в интернете владельцев домов, желающих продать или обменять их, и предлагал свои услуги. В отличие от настоящих специалистов (впрочем, какие они специалисты?) никакого задатка не требовал, чем очень располагал к себе. Далее действовал по обстоятельствам. Осматривал дом, хвастался своими прежними заслугами, поначалу отказывался от предложения пообедать, а затем все-таки уступал клиенту – оставался на ночь, поскольку якобы мой обратный поезд или автобус уходил следующим утром.

На следующий день после долгих уговоров все-таки соглашался на скромный задаток, и то лишь затем, чтобы избавить людей от угрызений совести – ведь не должен человек работать бесплатно.

Как правило, на этом этапе наша сделка и заканчивалась. Я уезжал, оставляя неверные координаты. Если клиенты попадались настолько наивными, что разыскивали меня и донимали звонками с требованием выполнить обещанное, я просил выслать дополнительную сумму на возросшие расходы. Сеанс излечения от глупости иной раз затягивался на несколько месяцев.

В то время жил я припеваючи – еще никого не привлекали к уголовной ответственности за чью-то благодарность, пусть и преждевременную.

И вот однажды ехал я поездом к очередной своей жертве, – рассказывал Филюк. – На одной из станций в купе вошел жизнерадостный толстяк с тонкой полоской щегольских усиков и аккуратной бородкой. Он лихо забросил саквояж на верхнюю полку и весело протянул руку для знакомства. Я сразу сообразил, что человек он бывалый и компанейский.

Звали моего попутчика Николай Маркович Градополов.

В дороге знакомятся быстро. Вскоре на столе появилась бутылка коньяка и шоколад, извлеченные из саквояжа моего попутчика.

Через каких-то полчаса вагонное купе превратилось в исповедальню. Вероятно, причиной откровения с моей стороны стал не только коньячок, а и бородка Градополова, без должного ухода способная превратиться в бородищу священника. Подкупало и его внимание к собеседнику. А что уж совсем расположило – он нисколько не удивился, когда я рассказал о своем методе зарабатывать на жизнь.

Я объяснил ему, что еду к владельцу небольшого заводика по производству пластмассовых изделий. Судя по всему, бизнес у моего будущего клиента идет неплохо – к уже имеющемуся домику он захотел прикупить еще один, поближе к столице.

– Мое дело, – объяснил я Градополову, – получить хороший аванс. А если человек окажется приятным, сведу его с настоящим риэлтором – пусть занимаются. Не переносу эту тяготину – подбирать дома. То им маленький, то большой, то чтобы рядышком было озеро или речка...

– Сочувствую. Очень хлопотное, а главное – малоприбыльное занятие, – заметил мой попутчик.

– Не скажите. Иной раз попадаются такие лопухи, на предоплату которых можно прожить месяца три.

– Нет-нет, не спорьте. Я знаю, что говорю, – возразил Градополов. – Вот сколько вы получаете задатка?

– От десяти до пятидесяти тысяч.

– А иные могут и совсем ничего не предложить. Ведь так?

– Случается и такое.

– Вот видите! А у меня никогда не бывает проколов.

– Вы тоже риэлтор?

– Боже сохрани! Я раньше картинами торговал. Находил клиентов и меньше миллиона за полотно никогда не получал.

– Миллиона?! – удивился я. – Но где же набраться таких дорогущих картин? Репины и Левитаны давно уже повымерли.

– Вот и хорошо. А их картины остались. Но беда в том, что настоящих авторских полотен мало, а желающих приобрести их с каждым годом прибавляется. И работы эти все дороже. А если появится ранее неизвестная – тут уж цену заламывай, не скромничай! За ученический рисунок или акварельку столько отвалят, что вам, Вениамин Андреевич, года два надо трудиться. Вениамин Андреевич, давайте на «ты» – по-простому, без церемоний.

– С удовольствием, Коля. Давно хотел предложить, а то как-то неловко. Но где же ты находил подлинные работы?

– Венечка, мне Левитанов и Репиных рисовал один мой знакомый – его за пьянство выперли из Суриковского. Так вот, после того как что-то намалует, он сверху заново грунтует полотно, а затем делает какой-нибудь пейзаж.

– А в чем секрет?

– Дело в том, что я коллекционерам представлялся таможенником. Якобы мы на границе задержали партию картин великих мастеров, которые хотели вывести за кордон под видом обыкновенной мазни. Теперь таких проходимцев хватает. Но если знающий человек аккуратно уберет верхний слой, то... получит настоящего Айвазовского.

– И верили?

– А как же иначе? Если прятали, значит было что прятать.

– А когда смывали, не догадывались?

– Веня, в том-то и дело, что разделить два слоя очень непросто. Обязательно подпортишь нижний, затем приходится его подправлять. Конечно, подлинность немного страдает. Но для покупателя это не важно. Главное, он-то уверен, что обладает шедевром, и со временем обязательно внесет его в реестры и каталоги – картина приобретет официальный статус. Для этого и существуют покупные эксперты. Доверие друг к другу – прежде всего.

– Без доверия в наших делах никак, – согласился я.

– Правильно говоришь. Мое дело продать, а уж дальше пусть сами занимаются. Но бросил я это занятие, – неожиданно сказал Градополов.

– Почему?

– Не в моем характере. Очень уж хлопотно. Клиенты попадаются осторожные. Сто раз, подлец, приценится, двадцать раз, сквалыга, начинает торговаться. Сил моих нет наблюдать, как он не хочет расставаться с деньгами! И видит наживку, и боится заглотив. Недоверчивая это публика – любители живописи. Так что я поменял специальность.

Градополов широко улыбнулся, отчего его усики разъехались до ушей. Сразу стало понятно, что его новое занятие намного лучше прежнего.

– И чем теперь, если не секрет, занимаешься?

– Давай еще по одной, – Градополов плеснул в стаканы коньячку и добавил, – донжуанствую потихоньку, работаю кочевым женихом.

Я едва не поперхнулся от услышанного.

– Это, Венечка, намного интересней, – улыбаясь, продолжил Долгополов. – У меня ведь теперь двадцать домов. И в каждом из них меня ждут не дождутся. И ни одна из подруг не терзает меня, как эти чертовы антиквары. В зимнее время отправляюсь к какой-нибудь вдовушке на юг, а летом – в среднюю полосу. Я обожаю умеренную природу. Сколько у нас настоящих ценителей живописи? Настоящих, то есть денежных, десятка три, не более. А разведенных женщин, и вообще женщин? То-то же. А главное – перспектива! К семидесяти годам на каждого из нас будет приходиться по семь особей противоположного пола.

– К семидесяти уже не интересно.

– Правильно говоришь. Так что не надо откладывать это занятие на будущее.

– И как ты с ними знакомишься?

– С женщинами? Ясное дело как – сначала по переписке. Для первой стадии у меня заготовлены шаблоны. К слову, по мере накопления опыта, стартовые письма подправляю. Результативность повышается. А дальше еду к ней и начинаю артподготовку.

– Что начинаешь?

– Веня, ты как маленький. Начинаю атаковать ее влюбленными взглядами, восторгаюсь, тяжело вздыхаю. А там – по обстоятельствам. Если за столом усиленно наливает, значит, надеется раскрепостить и сама не против раскрепощения. Тут уж не робей! Начинаю целовать ее ручки, а свои распускаю. Между нами, Венечка, ахиллесова пята у женщин немного выше, чем у греческих персонажей. В нынешней моей профессии главное – натиск. Не будь свиньей! Не издевайся над женщиной. Она и так, великомученица, года два, а то и все три в одиночестве погибала. Ей поначалу стеснительно. Зачем же продлевать ее муку? Нет, Веня, это не по-мужски.

– А если она перед этим была замужем и овдовела совсем недавно?

– Ты меня удивляешь. Все мы когда-нибудь овдовеем. И что? Бессмысленно заливаться слезами. Зачем подолгу скорбеть? Ты человек наблюдательный – работаешь с людьми. Вот скажи, кто тебе чаще попадался – веселые вдовушки, или веселые замужние дамы? Если ходит грустная и вся издерганная, можешь не сомневаться – замужем. По справедливости, так замужних чаще бы надо утешать. Мало того, что супруг, подлец, живучий попался, так ему еще все не так – то в доме не прибрано, то котлеты пережарены...

– Коля, но извини, это все-таки очень хлопотно – сразу столько женщин.

– Согласен. Но пока справляюсь.

– А если начинают склонять к женитьбе?

– А вот это, Веня, тревожный сигнальчик. Тут уж приходится на некоторое время расставаться. И желательно, чтобы инициатива исходила с ее стороны. В таких случаях я оставляю свои вещи в неполюженном месте, рубаху снимаю навыворот, бросаю где попало. Ботинки в прихожей – в разные стороны. Ее начинает раздражать моя расхлябанность. А я оправдываюсь, что вырос в детском доме, к семейным порядкам не приучен. Она замечает: «Это сразу понятно». «Ах, так, – отвечаю, – попрекаешь меня сиротством?!» Одним словом, возмущаюсь и уезжаю в оскорбленном виде. Но главное, чтобы без серьезного скандала. Она через полгодика одумается, мы помирился, и я снова ее навещу.

– А если она спокойно переносит твои слабости?

– Тогда лучше всего ее к кому-нибудь приревновать. Например, к кузену, с которым она целовалась при встрече. Ревность, мой дорогой Венечка, это вроде как бы и недостаток, но с другой стороны – доказательство твоей влюбленности. Им нравится, когда их ревнуют, но чтобы в меру и, не дай бог, без рукоприкладства.

– Но двадцать домов, Коля, уж ты меня извини, это слишком.

– Ну, двадцать, это я сказал для округления. На самом деле на сегодняшний день – семнадцать. Но все равно, согласен, тут без выдумки не обойтись. Иной раз приходится сообщать «И рад бы приехать, да не могу – попал в ДТП». Но ни в коем случае не говорю, в какой трав-

матологии нахожусь. Бабы они сердобольные – обязательно приедет. Даже если напишешь, что стал инвалидом, гарантии нет, что не припрется. Но чаще всего я сообщаю, что запил – запил с горя от разлуки с ней. И мне надо время, чтобы залечить рану – не могу простить себе, что уехал. Мол, внутренний голос и день и ночь меня укоряет. Вот теперь заливаю его, чтоб он захлебнулся! Я ведь, дорогой мой, в своем деле достиг такого мастерства, что могу соблазнить любую женщину.

– Извини, Колян, здесь ты малость переборщил. Не любую, – усомнился я.

– Любую в том смысле, которую захочу. А остальные мне и даром не надо.

– Все равно сомневаюсь. Я вот, например, еду к владельцу завода. На восемьдесят процентов уверен, что дело выгорит, и задаток свой получу. Но остальные двадцать, как ни крути – под вопросом.

– Это у тебя под вопросом. А у матросов нет вопросов! Если бы я ехал к твоему клиенту, то будь спокоен – понаставил бы ему рогов.

– Все равно не верю. Женщины всякие попадают.

– Хорошо. Давай поспорим.

– На что именно?

– Деньги меня не интересуют. Главное – принцип. Спорим, что я соблазню супругу твоего клиента – владельца завода.

– Но я планирую пробыть у него всего один день, в крайнем случае, сутки.

– Господи! Сутки! Да за это время троих в постель затащить можно! Ну, что, спорим?

Как и положено, мы закрепили наш спор рукопожатием. Градополов разрубил руки ребром ладони, после чего допили коньячок.

Через пару часов мы с моим попутчиком вышли на станции, взяли такси и поехали к моему клиенту. Вот уж кому не позавидуешь – ему предстояло встретиться с двумя «специалистами». На его счастье, или несчастье, владелец завода был в отъезде.

Гостей встретила его жена Анастасия Петровна и их дочка Любаша – девушка лет двадцати пяти.

Сразу скажу, что Любаша была намного привлекательней маменьки, о чем Градополов не преминул с сожалением сообщить, когда мы остались вдвоем.

– Поторопился я, Веня, с нашим спором. Мне надо было определяться после прибытия.

– Ничего не знаю, – я пресек его попытку изменить условия спора. Конечно, можно было уступить, но мне Любаша и самому приглянулась.

До этого момента я не совмещал свою производственную деятельность с женским вопросом. Но теперь, то ли от выпитого в дороге, то ли от присутствия опытного специалиста, меня стали навещать соблазнительные мысли: «А почему бы и нет? Одно второму не помеха».

Хозяйка дома встретила нас более чем гостеприимно. И через пару часов я вынужден был признать, что спор с Градополовым я, скорее всего, проиграю – уж больно живо у них с Анастасией Петровной все завертелось. Он рассыпался мелким бесом, разве что ножкой не шаркал. Расхваливал дом и обстановку, затем перешел на женские наряды, за ужином то и дело восхищаться блюдами и винами.

Вскоре я мысленно начал даже возмущаться: «Провалиться мне на месте! Она ему тоже глазки строит!»

Дошло до того, что основная причина моего визита – покупка нового дома – отодвинулась на второй план. Да что там на второй! О приобретении особняка вообще никто не заикался. Я оказался вроде как бы на подхвате, пристыженным к главному и основному гостю – Градополову. К его чести, он оказался внимательным – заметил мою уязвленность. Когда вышли покурить на веранду, Градополов приободрил меня:

– Веня, перестань! Подумаешь, проиграл.

– Еще не проиграл.

– Пока, да. Но мы с Настюшей договорились...

– С кем?

– Хорошо, с Анастасией Петровной. Мы решили, что эту ночь я проведу в ее спальне. Ее муженька все равно нет, зачем же нам прятаться по углам?

– А дочка?

– А дочку ты возьмешь на себя. Я ведь сразу заметил, она тебе приглянулась. Если кто и проиграл, та это я.

– Как ты можешь?! Что за глупость! Мне под сорок, а ей двадцать пять.

– Веня, оставь свою математику.

– Нет-нет. Я не собираюсь тут околачиваться неделю, а то и месяц. Знаю я эту канитель.

– О какой неделе ты говоришь?! Девка прямо вспыхивает, когда оборачивается в твою сторону. Если точнее – пылает. Уговаривает маменьку, чтобы завтра тебя не отпускала. Это между нами – я тебе ничего не говорил. Я так понял, Настюша, не возражает против выбора дочери.

– Настюша?!

– Да перестань ты! Хорошо – Анастасия Петровна.

Градополов огорошил меня новостью насчет хозяйской дочери. Я уж и не знал, радоваться мне, или огорчаться. Вся моя прежняя стройная философия зашаталась и вот-вот готова была рухнуть. Я лихорадочно обдумывал ситуацию. Сосредоточиться не удавалось. Как-то помимо воли выходило, что вся моя прежняя жизнь была не очень разумной. Почти сорок лет, а что имею? Прыгаю с места на место, семьи нет. И что дальше? А Любаша и в самом деле хороша. Да что там хороша! Красавица, каких поискать! Недаром Градополов, подлец, сокрушался. Невинная девушка, а он, развратник, туда же.

Но при всем моем желании я не осмеливался пойти путем, подсказанным профессионалом. Если между мной и Любашей что-то и будет, – подумалось мне, – то это должно быть всерьез. Вплоть до женитьбы! А почему бы и нет?

Но тут меня вновь начали одолевать сомнения – а достоин ли я такой красавицы? А согласится ли девушка связать свою жизнь со мной, почти стариком? Ведь не зря же сорокалетний Монтень сокрушался: «Вот и все! Молодость позади, и теперь я развалина!»

Я поделился своими сомнениями с Градополовым, но он только расхохотался.

– Вот видишь, Веня, к чему приводят глупые книжки! Твой Монтень философствовал во времена, когда на улицах среди бела дня ведьм отлавливали. Тогда еще не понимали, что ведьмой женщина становится к старости, да и то не всякая, а только замужняя. А твоя Любаша – ангел. Ух, проказник! Губа у тебя не дура!

– А что скажет Анастасия Петровна?

– Настюша? Я прозондировал на этот счет. Она о тебе хорошего мнения. Говорит, профессия серьезная – риэлтор. А главное – не малолетний шалопай, который поматросит и бросит.

– Я не брошу!

– Молодец! Я бы тоже такую не бросил. Ладно, ладно, не ревнуй. Мне и Настюши хватает. Еще через часик Градополов вернулся от хозяйки с новыми сведениями.

– Я между делом заикнулся, – сказал он, – что ты воспылал к Любаше.

– Воспылал?

– А разве нет? Меня не проведешь. Да Настюша и сама это заметила.

– И не возмущалась?

– Ты меня удивляешь! Какая мать станет противиться счастью своей дочери? Если понравились друг другу, то лучшего и не придумаешь. А тебе так вообще благодать!

– В каком смысле?

– Ну и шельмец! Еще и спрашивает. Да во всех! За материальную сторону я уж молчу.

- При чем здесь материальная сторона?
- А при том, что будешь кататься, как сыр в масле. Ее папаша отпишет на тебя половину заводика. А со временем и все предприятие сделается твоим. Дочка-то у них одна. И зять один.
- Какой зять?
- Честно скажу, очень бестолковый. Зачем ты взялся спорить со мной!
- Коля, уже не спорю.
- Тогда женись и будем считать, что если кто и проиграл, так это я.

Вот что значит вовремя встретить опытного наставника! – продолжил свою историю Филюк. – Вся моя жизнь в один день круто переменялась, причем – в лучшую сторону.

Теперь при общении с Любашей я расхрабрился до такой степени, что во время прогулки взял ее за руку. А еще через два дня поцеловал. А когда люди целуются, то весь мир вокруг них начинает вертеться калейдоскопом. Каждое следующее мгновение лучше прежнего. Появляется смех и веселье. Сыплются шутки, меняются наряды.

И вот, я уже не в походной джинсовой паре, а в черном и строгом костюме, а Люба рядом со мной – в подвенечном платье.

Свидетельницей со стороны невесты была школьная подруга Любаши, с моей стороны, конечно же, Градополов. Он согласился поддержать меня в столь торжественную и ответственную минуту.

Сразу же после венчания и всех формальностей в загсе мы с Любой задались вопросом, в каком месте нам лучше свить свое счастливое семейное гнездышко? Я предложил первое время пожить у меня. Слава богу, благодаря моей профессии, я обзавелся собственным домиком. Конечно, не таким роскошным, как у родителей невесты, но тоже недурственным.

– Там никто нам не будет мешать, – сказал я своей ненаглядной супруге. – А здесь я чувствую себя не в своей тарелке. Непривычно – вроде как на иждивении.

– Нет, мы поселимся у меня, – ответила Люба. – Мой домик тоже приличный. И Бугорков обещал помочь.

Я удивился:

– Какой Бугорков?

Теперь настала очередь удивляться моей молодой супруге.

– Что значит, какой? Николай Степанович. Ты приехал с ним, и не знаешь его фамилии?

– Какой фамилии?

– Ты приехал, как риэлтор, подбирать дом? Так?

– Так.

– К владельцу завода?

– Правильно.

– А его фамилия Бугорков. Бугорков Николай Степанович.

– Бугорков!.. А твоя?

– Венечка, что с тобой? Моя – Градополова. Она и в нашем брачном свидетельстве записана.

– Отец и дочь под разной фамилией?

– Какая дочь? У Бугорковых нет никакой дочери! Есть два сына – учатся в университете. Один – в юридическом, а Сергей, старший – на философском факультете.

– А ты?..

– А я не учусь. Я у них четвертый год вроде как домработница – по хозяйству. Люди хорошие – не обижают. А теперь и вовсе золотые – тебя привезли, мой ненаглядный.

– Ты хочешь сказать, Николай Маркович и Анастасия Петровна – муж и жена?!

– А кто же они по-твоему, если спят в одной постели – как и мы с тобой.

– И он ее не соблазнял?

– Как не соблазнял? Наверное, соблазнял – лет двадцать назад. Но скорее всего, она его соблазнила. Я спрошу Анастасию Петровну – она мне все расскажет. Венечка, ты меня удивляешь своими вопросами. Дай я тебя поцелую.

Когда я оправился от потрясения, – закончил свою историю Филук, – то припомнил обстоятельства нашего знакомства в поезде с Градополовым, вернее, с будущим моим клиентом и владельцем завода Бугорковым. Припомнил и дал себе зарок, больше никогда не разглашать свои намерения случайным попутчикам.

Хорошо еще, что все поначалу закончилось сравнительно благополучно. Мы с Любашей некоторое время любили друг друга, и у нее, слава богу, не оказалось троих, ранее незаявленных, детей. Но потом я случайно узнал, что Бугорков сплавил мне Любашу, как бывшую свою любовницу. А вот это мне совсем уж не понравилось – и нам пришлось расстаться.

Персик в третьем ряду

– После нашего знакомства в астраханском кафе с Филюком, – продолжил свой рассказ Иван Густолес, – я взял его под свое крыло. Проверил его способности к картам. Учеником он оказался способным, память имел необыкновенную, руками манипулировал не хуже фокусника, а главное – легко придумывал беспроектные махинации.

Мы с ним в те годы очень успешно гастролировали по стране. И до того у нас все получалось слаженно, что возникли затруднения – слава наша начала отпугивать партнеров. Все меньше находились желающие садиться с нами за стол. Тогда мы решили поменять дислокацию. Идеальным местом признали Крым, куда вместе с профессиональными игроками слетаются северяне с замороженными головами и толстенными кошельками.

Поехали мы под чужими именами и с фальшивыми документами. Остановились в частном отеле. Заведение небольшое, двухэтажное, но довольно уютное. Снаружи здание обложено белым ракушечником, внутри нафаршировано итальянской сантехникой, финским паркетом и турецкими коврами. Владел гостиницей сорокалетний грек Наум Алексеевич Такиходов – лысый, с черной запутанной бородицей и ястребиным взглядом. Он сразу определил нас как людей состоятельных и выделил первоклассный номер. Именно на такое впечатление мы и рассчитывали, – как же иначе привлечь внимание местной шантрапы, привыкшей обирать отдыхающих.

Для подтверждения платежеспособности мы с Филюком на публике всякий раз появлялись с небольшим чемоданчиком-дипломатом, чернота которого бросалась в глаза на фоне пестрых футболок и пляжных тапочек. Филюк не расставался с дипломатом даже у моря. Если ему в голову ударяла блажь искупаться, то за чемоданом присматривал я. Но не подумайте, что в дипломате и в самом деле хранилось что-либо ценное. Мы до отказа набили его фальшивыми долларами, которые наштамповали на цветном принтере.

И все у нас поначалу складывалось хорошо. Мы пощипывали местных шулеров, но случилась то, чего я опасался более всего. Все пошло кувырком из-за женщин, вернее, из-за одной из них.

Дело в том, что всем хлопотливым гостиничным хозяйством заведовала двадцатилетняя дочка Такиходова – Ангелина. Имя это ей подходило как никому другому. Стройная, гибкая тростиночка с яркими губками и огромными распахнутыми глазами. Так что не удивительно, что неустойчивый в этом отношении Филюк воспылал к ней горячими чувствами более чем к карточной игре. А это пагубно сказывалось на нашем бизнесе.

Что мне оставалось?

Я отправился в ближайший бар и решил оживить интерес к нашим особам, изобразив изрядно загулявшего золотодобытчика.

К тому времени я уже много лет не злоупотреблял – во всяком случае, знал свою меру. Но в далеком прошлом имел некоторый опыт, так что подвыпившего человека изобразил достоверно. Не уверен, что с подобным амплуа справился бы во МХАТе, но в любом областном театре в грязь бы лицом не ударил.

– Гарсон, шампанского! – орал я на весь зал. – Да не то пойло, что ты притаранил вчера!

В питейном заведении меня быстро оценили по достоинству. Вскоре за моим столом сидели два собутельника, жизнь которых, несомненно, завершится на каторге. Они гоготали над каждой моей глупой шуткой и наполняли мой бокал, стоило мне отвернуться. Они с интересом внимали моим «откровениям» о громадных деньгах, доставшихся моему товарищу от дядюшки, который благополучно загнулся в Бельгии. Но мой дружок, – объяснял я, – всю жизнь стрелявший червонцы до полочки, до того контужен богатством, что боится его потерять. Он даже на ночь кладет чемодан с деньгами под подушку.

– Представьте идиота! – возмущался я. – У него денег – куры не клюют, а он не покупает ничего лишнего, чтобы не выдать себя. Но я его раскручу! Ох, и раскручу – устрою в отеле серьезный бордельерчик! Девочек я уже присмотрел.

– Это правильно, – согласился один из моих собутыльников, имевший особо злодейскую внешность. – Да только ничего не получится – не в том месте вы пришвартовались.

Вскоре меня просветили, что хозяин гостиницы Наум Такиходов – известный в городе человек. Известен он в положительном смысле, так как состоит в местном братстве последователей Христа, а его родной брат – Родион, в этой секте главный пресвитер.

– Так что Такиходов не позволит вам разгуляться в своем доме, – заверили мои новые знакомые.

Полученные сведения я намотал на ус. В подтверждение наших неограниченных возможностей угостил новых знакомых коньяком и на их глазах отвалил таксисту тыщонку, хотя до отеля было всего метров двести.

Узнав о праведности Такиходова, Филюк заметно приуныл, но интереса к девушке не утратил, даже напротив. Только теперь он догадался, почему она ходит в темном платье и белом чепчике, словно монашка. К слову, этот скромный наряд был ей очень к лицу, и не только мы любовались ее стройной фигуркой. Все мужчины отеля провожали ее плотоядными взглядами. А Филюк еще и вздыхал при этом. После одной из совместных с Ангелиной прогулок он совсем потерял голову.

Как-то вечером, когда все хлопоты по дому были завершены, Ангелина отправилась к морю, а Филюк увязался за ней. Они долго бродили по берегу, болтали о всяких пустяках, а когда стемнело, надумали искупаться.

– Ванюша, представляешь, – рассказывал мне Филюк, – она сбросила платье, а под ним... ничего! Клянусь, в чем мать родила! А она хоть бы хны. Преспokoйнонько побежала к воде, окунулась, поплескалась и вышла на берег. Лунный свет поблескивал на волнах, серебрился на ее плечах и всем остальном. У меня было такое впечатление, что мы оказались в раю. А она, словно угадав мои мысли, говорит: «В наших телах нет ничего постыдного. Это не грех – показаться в том виде, в котором нас создал Всевышний».

Я представил картину, нарисованную Филюком, и понял, что теряю товарища окончательно.

– Провалиться мне на этом месте! – воскликнул я. – Хитрая монашка соблазняет тебя! Я давно заметил – она строит тебе глазки.

Лучше бы я этого не говорил! Если раньше Филюк только вздыхал, то после моих слов окончательно съехал с катушек. О чем бы ни заходила речь, обязательно сворачивал в сторону Ангелины.

И вот начинает он отливать мне такую пулю: мол, хватит нам скитаться по белу свету, где нас только не носило! В Архангельск прошлым летом наведывались, в Саратов два раза летали, в Красноярске трижды гастролировали... Пора бы уж где-то заякориться. И начал он уверять, что приятнее местечка, чем Крым, не отыскать. А если Ангелина и в самом деле неравнодушна к нему, да еще имеет состоятельного папашку, то лучшего и желать грех.

– Как ни крути, – завершил свои соображения Филюк, – этот отель со временем станет моим, ведь Ангелина – единственная дочь!

– По-моему, – возмутился я, – тебя черт попутал! Ты мечтаешь получить отель, даже не пошевелив мозгами, избегаешь честного пути – выиграть его в карты! Где твоя совесть?

Но Филюк окончательно сорвался с поводка и вскоре признался Ангелине в любви. После этого, как пишут в книгах, пал на колени перед папенькой Ангелины и попросил руки девушки.

Для Такиходова такой поворот оказался неожиданным. Он, конечно, в своем отеле насмотрелся всяких прохиндеев, желающих соблазнить его дочку, но чтобы вот так... сразу.

– Папа, я не возражаю, – потупив взор, сказала Ангелина, когда отец повернулся в ее сторону. – Вениамин меня любит.

– А ты его?

– И... и я его тоже.

Разрази меня гром, если она в тот момент не трепетала и не краснела от волнения!

И что в результате получилось?

Недавний охотник за дармовыми сардельками отхватывает себе в жены обворожительную и целомудренную девицу, а я – его наставник – лишаюсь опытного напарника.

Но обхитрить оборотистого грека оказалось не так-то просто.

– Я, как всякий отец, – заявил Такиходов, – желаю своей дочери только добра. Ангелиночка – моя единственная радость, ее матушка скончалась четыре года назад. Теперь я дочери и за отца, и за мать. Поэтому не могу отдать ее человеку, которого совсем не знаю.

– Да я все расскажу, только спросите, – залопотал Филюк.

– Вот это правильно, – согласился Такиходов. – Вам, молодой человек, надо исповедаться. Исповедаться перед нашим первосвященником. Что вы там расскажете о себе, меня не интересует. Главное, что в исповедалине с вами будет присутствовать Всевышний. Если раньше и было что-то греховодное, то оно вам простится, и вы очиститесь от скверны. Только после этого я позволю вам стать нареченным моей Ангелиночке.

– Я согласен! – воскликнул Филюк и так искренне блеснул бесстыжими глазами, что я в очередной раз восхитился им. Я представил, как он дрожащим голосом и, сбиваясь от волнения, будет вешать лапшу святому отцу, то бишь пресвитеру и родному брату Такиходова.

– Но это не все, – владелец гостиницы выдвинул еще одно условие. – Слияние душ происходит на небесах, в чье таинство проникнуть нам не суждено. А вот свои земные заботы мы не имеем права перекладывать на Всевышнего. Мы сами обязаны думать о хлебе насущном, а в семейном вопросе, где жена прилепится к мужу, тем более. А поскольку семейная пара – это навеки, то и все их имущество должно быть совместным.

– А как же иначе! – поспешно согласился Филюк, готовый взвалить на свои плечи доходный гостиничный бизнес.

– И закрепите вы союз брачным контрактом. Так и вам, и моей Ангелиночке, будет спокойней, – продолжил Такиходов.

– Как скажете, так и сделаем, – ответил Филюк.

– И чтобы обязательно обвенчались! Но не в тех греховных вертепах с колоколами и картинками на стенах, а в нашей единственно верной и правильной церкви братьев последователей Христа.

У Филюка едва не вырвалось «Да где угодно, папашка, хоть на дискотеке!», но он смиренно ответил:

– Для Ангелиночки братство Христово – родная семья. И я готов приобщиться.

К кому именно он готов приобщиться, к Ангелине или церковному братству, Филюк не уточнил.

По возвращении в номер я набросился на товарища:

– Голодранец, ты понимаешь, что с тобой будет, когда откроется твое наглое вранье насчет твоих миллионов?!

– Ничего страшного. Повздорим денек-два. Но если уж повенчались, то заднего хода не будет. Бедность свою объясню тем, что банк, где хранились деньги, лопнул. Так господа было угодно – на все его воля. А с их гостиницей я с голоду не пропаду.

В ответ мне осталось только развести руками и предупредить, что теперь не стоит болтаться по городу с дипломатом – можно получить по голове и вместо венчания угодить на собственное отпевание.

На этот раз Филюк прислушался к моему совету.

Вскоре, как и планировалось, мой товарищ исповедовался в молитвенном доме их пресвитеру – родному брату Такиходова. Филюк, ничуть не краснея рассказал о мелких прегрешениях молодости и о недавнем свалившемся на него наследстве от бельгийского дядюшки.

Уж не знаю, все ли услышанное настоятель передал своему братцу, или Такиходов лично присутствовал за перегородкой исповедальни? Но сомнений не оставалось – братья поверили болтовне Филюка. Как он потом мне рассказал, пресвитер во время исповеди все время вздыхал, вероятно, сожалел, что я не тому достался в зятя. Ведь у него было три дочери, и все на выданье.

За первой предсвадебной процедурой последовала вторая. Моего друга поволокли к нотариусу, где составили брачный контракт, по которому все имущество будущих супругов объединялось.

Но и это еще не все. Мы с Филюком немного недооценили Такиходова. Он заблаговременно побеспокоился и о своем будущем – предложил Филюку еще до свадьбы приобрести его мини-отель (ведь для миллионера это суший пустяк). Как объяснил Такиходов, так ему, старику, будет спокойней. Он на эти деньги поселится отдельно и не станет докучать молодым. Цену владелец отеля заломил такую, да еще наличными, что мы только ахнули.

– Но у меня под рукой нет таких денег, – вполне искренне заявил Филюк.

– Ничего страшного. Оформим купчую, деньги отдашь потом.

– Ну... если так, – Филюк согласился на купчую, мечтая о каре господней на голову алчного тестя.

– Вот попомни, – предупредил я друга, – они тебя грохнут, как только откроется твой обман!

– Глупости. Убивать меня бесполезно. Вот ты бы стал бессмысленно убивать должника?

– Я и со смыслом никого не собираюсь убивать.

– Вот и они не станут. Погорюют и успокоятся.

Все говорило о том, что вскоре я потеряю напарника. Если и не убьют, то запрягут в такое семейное ярмо, что о картах он окончательно позабудет. Впрочем, он и сейчас о них почти не вспоминал. Еще до свадьбы Филюк охотно погрузился в гостиничный бизнес. Вместе с Ангелиной они меняли белье в номерах, выдворяли буйных постояльцев и подыскивали более спокойных.

И вот, за пару дней до венчания, я, убитый горем, поздним вечером возвращался из бара. Возвращался один. Филюк – отрезанный ломоть. Все свободное время он теперь проводил с Ангелиной.

Я уже был у крыльца отеля, когда заметил странное шевеление в глубине персикового сада. Я замер и внимательно присмотрелся. В этот момент луна выглянула из облаков, и я увидел человека. Кто-то старательно работал под одним из деревьев. В руках его была лопата. В лунном свете мелькнула лысина, и я увидел, что это Такиходов.

Я не стал спрашивать, чем он занимается в ночном саду? Скорее всего, темное время выбрано не зря, и его работенка не предназначалась для посторонних глаз.

Озадаченный, я вошел в дом, а затем – в номер. Тут меня подстерегала еще одна неожиданность. Филюк оказался на месте и вовсе не спал.

Увидев меня, он выпрыгнул с кресла.

– Где тебя, черт подери, носит! У нас проблемы!

– Что случилось?

– Украли дипломат!

– Ну и бог с ним – там одна макулатура.

– Но украл, скорее всего, кто-то из своих. Ключи от номера только у Ангелины и Такиходова.

– У меня тоже есть комплект.

– Оставь свои дурацкие шутки! Такиходов может узнать, что в дипломате фальшивки, и свадьбе не бывать.

– Вот и отлично.

– А если это не он?

– Он! Я только что видел, как твой будущий разлюбленный тесть зарывает наш дипломат в саду.

– Не может быть! Зачем ему грабить меня, если через день получит зятя в полную свою собственность?

– Еще неясно, какой свиньей ты окажешься. Лучше действовать наверняка – ограбил и живи спокойно.

– А я? Какое мне спокойствие?! Он в любой момент откроет дипломат и увидит подделку.

– Не волнуйся. Он уже открывал, но в темноте настоящие от фальшивок не отличить. Разберется позже.

– Я пропал! Я пропал! – Филюк бегал по номеру, словно по раскаленному железу. – Надо забрать дипломат.

Стоит ли говорить, что в ту ночь мы с моим другом не сомкнули глаз. Сначала выждали пару часов, а затем ударно потрудились в персиковом саду. Как я и предполагал, под деревцем в третьем ряду, мы обнаружили наш чемоданчик, завернутый в полиэтиленовый пакет.

Когда мы проснулись в полдень следующего дня, то сообразили – в доме что-то случилось. Такиходов и Ангелина ходили хмурые, словно после скандала.

Как потом выяснилось, так оно и было. В то утро Ангелина поднялась на рассвете чтобы привести сад в порядок. Собирая опавшие листья, она прошлась граблями под деревьями. Но беда в том, что ее папаша не запомнил, под каким именно деревом спрятал дипломат. Теперь вся земля была разрыхлена, и место захоронения определить было невозможно.

Весь последующий день Такиходов посвятил тщательному уходу за персиковым садом. Он окапывал каждое из деревцев, но дипломата с деньгами, разумеется, так и не нашел.

Мы никого не стали извещать о пропаже дипломата. Из этого Такиходов, вероятно, заключил, что мы или не заметили исчезновения нескольких миллионов, или заметили, но для нас это сущие пустяки. Стало быть, будущий зятек действительно сказочно богат!

Мы и в самом деле не очень страдали по поводу пропажи, чего не скажешь о хозяине гостиницы. Исчезновение нашего чемодана, зарытого в саду, он расценил как личную трагедию. Его подозрения пали на Ангелину. Это она утром работала в саду, конечно же, обратила внимание на недавно взрыхленную землю. У нее могли возникнуть вопросы. А когда задаешь правильные вопросы, можно получить очень хорошие ответы. Чемодан с деньгами – лучший из них.

С этого злополучного дня в семье Такиходова наметился раскол, но не настолько сильный, чтобы отменить предстоящую свадьбу.

И вот наступил знаменательный день соединения двух любящих сердец.

Венчание в церкви последователей Христовых немного отличается от православного обряда. У них заведено, что жених и невеста прибывают к церкви отдельно друг от друга. Впрочем, когда-то и наши предки поступали таким же образом. Иначе откуда бы появились истории, когда невеста и ее родственники ожидают жениха у церкви, а его, подлеца, и след простыл?

Но Филюк не убежал – он не настолько глуп, чтобы бегать от своего счастья.

Как и положено, мы в тот день арендовали длиннющий лимузин, предназначенный для торжественных мероприятий. Чтобы не возникало сомнений, что это свадебная ладья, а не погребальный катафалк, машину выбрали белую. На ее крыше были установлены два золоченных кольца – размером с баскетбольные.

К молитвенному дому мы подъехали первыми. Не прошло и минуты, как появилась машина невесты. Скорее всего, она стояла за углом и дожидалась известия о нашем прибытии.

Невеста была в ослепительно белом наряде. Подвенечное платье волочилось по земле длиннющим шлейфом. Лицо Ангелины закрывала пышная фата, из-под которой поблескивали взволнованные девичьи глазки.

Я сопровождал товарища к алтарю, словно в последний путь. В сущности, так оно и было. Вскоре наши пути-дорожки разойдутся, и я, покинутый и одинокий, спотыкаясь и глотая слезы, побреду по предначертанному мне пути.

– Клянетесь ли вечно любить друг друга?! – взревел братец Такиходова своим медным голосом, благодаря которому, вероятно, и получил первосвященную должность.

– Клянусь, – торопливо ответил Филюк.

– Клянусь, – дребезжащим от волнения голосом заверила невеста.

– Отныне и навеки данной мне Господом властью объявляю вас мужем и женой, – протрубил священник. – С этой минуты два ваших имени занесены в священные скрижали. И да будете вы неразлучны в земной и небесной жизни! Пусть кара Господня падет на того, кто расторгнет заверенный Богом союз. А теперь, молодые, скрепите ваш брак поцелуем.

Невеста маленькой ручкой подняла фату для поцелуя, и...

Не будь меня рядом, и не поддержи я Филюка, он бы рухнул на землю.

Перед ним стояла вовсе не Ангелина, а незнакомая девица с блестящими, благодарными и немного извиняющимися глазками.

Филюк от удивления раскрыл рот, в который тут же страстно впилась его нареченная. Таким образом заякоренный с двух сторон – губами невесты и моей железной рукой – Филюк сохранил равновесие. Закричать он не мог – мешали губы неизвестной девицы.

Когда молодоженов разъяли, Филюк, скорее всего, находился в полуобморочном состоянии. Вероятно, он полагал, что все это ему только снится. Он безропотно позволил вывести себя из церкви, усадить в машину, хотя и белую, но теперь уж точно напоминающую катафалк. Всю дорогу он молчал, безуспешно отбиваясь от липнущей к нему невесты.

Когда мы вернулись в отель, то Ангелины там не оказалось. Она исчезла, не предупредив папашу. Разгневанный Такиходов бегал по дому, разыскивая беглянку. Он матерился, не соблюдая приличий в столь торжественный день.

– Кто ты? – спросил Филюк нареченную, когда они остались вдвоем.

– Я? Я – Ангелина.

– Черт подери! Какая ты Ангелина?!

– Ангелина Такиходова. И напрасно папенька бегаёт по дому и разыскивает свою потаскушку. Она убежала!

– Кто убежал? Какая потаскушка?

– Та, которую он выдавал за меня. Она работала у нас прислугой, а когда умерла мама, совсем округила папу и командовала всем нашим домом.

– Так она ему не дочь?!

– Я бы повесилась, будь у меня такая сестричка. Она заставила папу переписать на свое имя отель, а теперь ограбила его и убежала.

– Как ограбила?

– Я сама видела, как она выходила из дома с черным чемоданчиком. А когда, гадюка, заметила меня, еще и ручкой помахала.

Филюк кинулся к шкафу, где в выдвижном ящике хранился наш, уже однажды украденный дипломат. Ящик бы пуст.

– Моя дорогая Анжелиночка, – сказал Филюк своей, только что обретенной супруге таким медовым голоском, что девушка затрепетала от первой и многообещающей ласки. – Она обокрала меня и моего друга Ивана Густолеса. Мне надо сообщить ему эту неприятную новость. Подожди меня здесь, я скоро вернусь.

Вы не представляете, какими коварными иной раз оказываются молодые мужья! Филюк не вернулся.

Мы схватили свои нехитрые пожитки и покинули отель, даже не затребовав наши фальшивые паспорта.

Как я проучил Филюка

После очередной неудачной свадьбы Филюка я понял, – продолжил свой рассказ Густолес, – насколько уязвимо наше с ним содружество. В любую минуту мой товарищ мог влюбиться в какую-нибудь вертихвостку, и все мои труды по приобщению его к благородному карточному бизнесу могли пойти прахом. Любая смазливая особа в юбке могла выловить его словно малька, как это делали мои одноклассницы в далеком детстве. Не раздеваясь, они заходили в воду и поднимали подол платья, где оказывались мелкие рыбешками. А если подол поднимет взрослая девица, да еще со стройными ножками? Да Филюк и трепыхнется не станет!

Надо было что-то предпринимать, ибо не прошло и месяца после крымской брачной истории, как мой неразумный Венечка опять начал заглядываться на женщин. Увы, урок не пошел ему впрок.

Однажды, когда я вернулся в очередную нашу съемную квартиру, то застал Филюка с неизвестной девицей. Они попивали чаек и так весело щебетали, что я сразу почувствовал – беда совсем близко.

Девушку звали Мариэттой. Одно имя чего стоило, особенно для Филюка, падкого на иностранщину. Внешностью девушку господь тоже не обидел. Была она, что называется, в теле, не то что его прежняя крымская щепка Ангелина. Мариэтта отличалась пухлыми щечками с ямочками, и все остальные женские припухлости тоже были на месте. Бойкие смелые глазки и слегка гортанный, я бы даже сказал зазывный голосок, звучащий с наигранной теплотой.

Где он отыскивал такое несчастье на мою голову?! Впрочем, не так уж и важно где. Главное – как? Как избавиться от очередного покушения на моего друга? И желательно это сделать так, чтобы он надолго запомнил, что надо думать головой, а не иными частями тела?

Вскоре, желая угостить подружку, Филюк побежал в магазин. (По давно заведенному правилу мы не держали в доме спиртного, ибо находишь оно под рукой, обязательно будет выпито).

Пока товарища не было, я сразу пустился в разведку. Расспросил, чем Мариэтта занимается, каково семейное положение? Оказалось – разведенная. От такой новости меня даже в пот бросило, словно выпил еще не принесенный алкоголь. Филюк непременно погибнет! Надо было действовать, и действовать решительно.

– Мариэтта, – спросил я, – скажите честно, зачем он вам понадобился?

– Иван Петрович, вы меня удивляете – задаете такие вопросы женщине. Во-первых, он мужчина...

– Мариэтта, оставьте. Посмотрите на него и на себя. Вы очень красивы, а он...

– Спасибо. И он по-своему красив. И в мужчине главное не красота.

– Тут я с вами согласен. Главное – деньги. Но запомните, от него вы их не получите. Он из тех, которые не любят раскошелиться. Уж поверьте, я его хорошо знаю.

– Вы меня огорчили таким известием. Видите ли... как раз сейчас я в затруднительном положении и мне хотелось бы на кого-то опереться.

– Так обопритесь на меня.

Мариэтта подняла свои неотразимые глазки.

– Вы предлагаете мне руку и сердце?

– Я предлагаю вам материальную помощь. Какое может быть сердце, если мы видим друг друга впервые?!

Глазки Мариэтты потускнели, но она быстро справилась с разочарованием.

– Это интересно... – неопределенно ответила гостья.

«Меня не проведешь, – подумал я. – Повелась. Значит – охотница за деньгами».

Я тут же получил подтверждение моей догадке.

– Но я женщина, извините, не из простых, – продолжила Мариэтта. – Наше знакомство обойдется вам в копейчку.

– Я не о том, о чем вы подумали. Я буду платить вам за то, чтобы вы сделали для моего друга сначала незаменимой, а затем... бросили его. Да! Бросили! Пусть он еще раз удостоверится в женском коварстве!

– За какую сумму? – уже совсем по-деловому спросила Мариэтта.

Я назвал цифру.

– Согласна, – ответила она без колебаний.

Надо ли говорить, что я пришел в восторг от своей проницательности, но на всякий случай еще раз захотел услышать подтверждение.

– А вы не привяжетесь к нему слишком сильно? Настолько сильно, что потом не сможете его оставить.

– На этот счет не беспокойтесь. Четверо бросали меня, восьмерых бросила я.

Вскоре Мариэтта получила от меня обещанные деньги, а я убедился, насколько женщины добросовестны при выполнении контракта. Вот бы нашим бизнесменам поучиться у них!

Мариэтта окружила Филюка за неделю. Он таскал ее в театры и на концерты, водил в рестораны и даже заглядывал в дорогие бутики. Через какое-то время Филюк заявил, что ему с Мариэттой нужна отдельная квартира.

Мне пришлось временно съехать в гостиницу, и чем они занимались в мое отсутствие, остается только догадываться.

Наша с Мариэттой операция двигалась по намеченному плану. Но появились и побочные явления. Филюк начал сторониться основного нашего занятия – карточного стола. Доходы стали падать, а вот расходы – напротив, заметно возросли. Мариэтта оказалась очень способной в деле потрошения мужских кошельков. Да и мое проживание в отеле требовало дополнительных затрат.

А Филюк тем временем не замечал нашего обнищания и все более восторгался своей новой подружкой. Я – в некотором смысле виновник происходящего – начал проявлять беспокойство. Однажды, когда Филюк побежал в магазин по цветочно-конфетному поводу, я, не скрывая тревоги, спросил девушку.

– Мариэтта, вы не забыли о нашем уговоре?

Она тяжело вздохнула.

– Иван Петрович, вы поставили меня перед серьезным этическим выбором. Он расходует на меня побольше вашего.

– По этому поводу можешь себя не изводить. Я человек порядочный и на порядком увеличу твое вознаграждение. Во всяком случае, он такую сумму не потянет.

– Веня говорил, что собирается немного подзанять у вас.

– А вот эти глупости пусть выбросит из головы!

– Иван Петрович, вы поступаете некрасиво. Я ночи не сплю – все думаю о нем. Он в поисках денег может пойти на любое преступление. Я себе этого никогда не прощу.

– Какие преступления?! Он первоклассный игрок в карты и всегда может прокормиться. А таких как вы, знаете, сколько у него было?

– Он утверждает, что я у него единственная.

– В своем роде, да. Работающая по моему заданию. Все предыдущие работали самостоятельно.

Мариэтта погрузилась, отчего мои опасения только увеличились.

– Вот что, – сказал я, – мне кажется, мы заигрались. Вам пора расставаться.

– Но куда я уеду? У меня нет своего жилья.

– Я сниму тебе квартиру, это намного дешевле, чем мне проживать в гостинице.

Мариэтта с неохотой отнеслась к идее разлуки с Филюком, поэтому ставку пришлось увеличить.

– Я сниму хорошую квартиру. Только одно условие – чтобы вы больше не встречались, и чтобы ты не приглашала его к себе.

Мариэтта еще раз вздохнула, но мои условия приняла.

– Я даже не сообщу ему, где поселюсь.

– Вот это правильно! Вот это честно!

Я почти ликовал. Мой план по спасению друга начинал приносить результаты.

Вскоре Мариэтта переехала на новое, оплаченное мной жилье. Переехала без Филюка, а я вернулся на прежнее свое место. Но тут случилось непредвиденное.

Однажды, когда я выходил из подъезда, увидел Мариэтту. Сомнений не оставалось, она поджидала меня и была очень встревожена. Мы присели на лавочку.

– Мариэтта, что с тобой?

Вместо ответа девушка закрыла лицо руками, и слезы ручьями ударили сквозь пальцы.

– Иван Петрович, я беременна.

– Что?!

– Вот чем закончилось ваше задание! Я была так наивна, когда послушалась вас! – Девушка размазывала по щекам черную тушь и шмыгала носом. – А этот мерзавец не признает своего ребенка.

– А я предупреждал, чтобы ты не очень увлекалась!

– Напротив. Вы говорили, чтобы я его увлекла. Ведь говорили?

– Но не до такой же степени!

– О степенях разговоров не было. И что мне теперь делать?

– Мариэтта, не плачьте, я поговорю с этим мерзавцем.

Когда я высказал Филюку все, что о нем думаю, он только отмахнулся.

– Ваня, хоть ты оставь меня ради бога. Я знать не хочу ни о каком ребенке. Тем более что уверен, он вовсе не мой.

– А чей?

– Да хотя бы твой!

– Что?!

– А то, что ты и сейчас печешься о нем, и о своей подружке. Думаешь, я не знаю, что ты постоянно снабжал ее деньгами! За красивые глазки? Так что воспитывайте своего сыночка сами.

– Какого сыночка?

– Обыкновенного. Она ходила на УЗИ, и там ей показали кое-что... И ты можешь увидеть такое, когда разденешься перед зеркалом.

– Да как ты можешь?!

– Обыкновенно. Я не собираюсь финансировать всех московских рожениц. Той помоги, этой помоги... Я не монетный двор. Сам знаешь, я сейчас на мели.

– Но ребенка-то хоть можешь признать?

– Чьего ребенка? Своего бы признал.

– Да какая теперь разница, чей. Ты подумай о Мариэтте! Каково ей теперь?

– Не втягивай меня в свои шашни. Так бы сразу и сказал, что хлопочешь о своей подружке.

– Я хлопочу о ребенке, и о ней, конечно. Что она скажет, когда ребенок вырастит и спросит: «Мама, а кто мой папа?»

– Пусть говорит, что хочет.

– Веня, но это совсем уж непорядочно.

– И это мне говорит карточный шулер?

– Я не шулер, а игрок! И с женщинами я всегда был порядочен. И тебе рекомендую поступать также. Запиши ребенка на свое имя и живи со спокойной совестью. И я буду помогать Мариэтте.

– У меня неблагозвучная фамилия – Филюк. Я всю жизнь ее стеснялся. Не хочу, чтобы мою судьбу повторил дорогой для тебя ребенок.

– Клянусь, у меня ничего с Мариэттой не было!

– А я вообще ее никогда не видел. А вот как ты совал ей деньги, видел. И видел из окна, как она тебя поджидала, и ты ее утешал, когда Мариэтта плакала. Нашкодил, так наберись смелости отвечать за свои подвиги!

Что нашкодил, то нашкодил! Как я ни пытался оправдаться перед собой, но укору совести не давали покоя. Если бы не мое задание, Мариэтта быстро бы разобралась, что это за птица – Филюк. И ребенка бы не было.

Такого же мнения придерживалась и Мариэтта. При следующей встрече она обвинила меня:

– Это вы во всем виноваты!

Я отвел девушку в соседний двор, чтобы Филюк не мог нас видеть из окна.

– Я играла честно! – настаивала девица. – И что за это получала? Копейки на пропитание. А я ведь выкладывалась изо всех сил. За такую игру другие актрисы получают сумасшедшие гонорары, а вы мне с Вениамином вот чем заплатили! – девушка указала на свой круглый живот. – Я расскажу ему, что это вы подговорили меня!

– Не смей! Да он и не поверит.

– А я покажу счета, которые вы оплачивали.

– Мариэтта, что вы хотите?

– А вы не знаете что? Я и днем и ночью работала на вас. Это, можно сказать, несчастный случай на производстве. Мне нужны страховые выплаты. И у ребенка должен быть папа, и ему нужна фамилия. Как ему жить без фамилии?

Мариэтта разрыдалась, а женские слезы, как известно, уговорят кого угодно.

– Хорошо, – сказал я. – Мне своей фамилии не жалко. Можете записать ребенка на меня.

– И вы будете ему помогать?

– В меру своих сил – я не миллионер.

– Дайте я вас поцелую, – сказала Мариэтта и прижалась ко мне мокрым лицом.

В этом положении Филюк и застал нас, возвращаясь из магазина.

– А-а-а, голубки, целуетесь.

– Веня, Иван Петрович усыновит моего ребенка.

– Правильно и сделает. Я давно ему это советовал.

Из роддома Мариэтту мы забирали вместе с Филюком. Медсестра на секунду замерла перед нами, соображая, кому вручить ребенка, а затем передала его мне.

Я держал в руках запеленутую кроху и пытался найти в нем черты моего друга. Филюк же не только пытался, но сразу же обнаружил сходство:

– Ваня, посмотри, он почти лысый, как и ты. А если ему вместо пустышки дать сигарету, а в руки – карты, получится твоя копия.

– Не говори глупостей – он совсем на меня не похож.

– Еще и как! Орет не меньше твоего и мамкой командует, как ты командуешь мной.

Имя ребенку выбирали совместно с Мариэттой. А когда по этому поводу обратились к Филюку, он указал в мою сторону.

– Его ребенок – пусть называет как хочет.
Малыша назвали Павликом.

Чем взрослее становился мальчик, тем больше Филюк находил его сходство со мной. В тот день мы сидели у подъезда, мирно курили.

– Ваня, Мариэтта рассказывала, что Павлик орал два часа – не могла успокоить. Выбрасывал игрушки из люльки, а дали ему карты – мгновенно затих. Ты знаешь, прихожу к ней вчера...

– Ты приходил к ней?..

– Только на одну минутку – оказать моральную поддержку. Я ведь не чета тебе – откупился от женщины копейками.

– Да ты знаешь, во сколько она мне обходится?!

– И знать не хочу. Я в чужие дела не лезу. Так вот, прихожу я вчера, а у Павлика в руках карты, и не поверишь – четыре туза! Держит их, бестия, веером и морщит лобик, как и ты, когда хочешь обмануть соперников. Вот шельма! Думаю, у него первое слово будет не «Мама», а «Иду во банк!» Представляю, как ты его полюбишь, когда он вырастит.

– Главное, чтоб ты его полюбил.

– Я его и так люблю. Хотя это ребенок не мой. Уж это я точно знаю!

– Тогда скажи – чей?

– Скорее всего, Валентина.

– Какого Валентина?

– Ее мужа. Ты не представляешь, что это за мерзавец!

Я подпрыгнул от удивления.

– У Мариэтты есть муж?!

– Одно название. Нестриженный рокер. Работать не хочет, гоняет на двухколесном драндулете, еще и в какой-то музыкальной банде играет на гитаре. Они с Мариэттой постоянно ссорились – доходило до развода.

– Выходит... она все это время была замужем? – я не мог оправиться от услышанного.

– Конечно. А ты вмешался в их семейную жизнь.

– Никуда я не вмешивался.

– Тогда почитай свидетельство о рождении Павлика.

– Но ты говоришь, что это их сын.

– Биологически – да, а юридически не придерешься – фамилия твоя.

– И ты об этом знал все время?!

– Да не кричи ты, ради бога. Знал, не знал – какая теперь разница. Сейчас у них материально все наладилось, почти не ссорятся – воспитывают твоего ребенка.

– Э-э-э, так не пойдет! Я не дойная корова. Финансирование прекращаю.

– Думай, что говоришь, не корова он... Да они тебя по судам затаскают. Назначат алименты до восемнадцати лет. А если Павлик пойдет учиться, то и до всех тридцати. Ребенок коклюшем болеет, а он отказывается финансировать.

– Ничего они в суде не докажут.

– Еще и как докажут. Ты квартиру для нее снимал?

– Снимал. Но я ее спасал от тебя.

– Ты не спасал, а вел с ней общее хозяйство – она так и заявит на суде. А это, дорогой мой спасатель, для судьи главный аргумент.

– Да она не в моем вкусе!

– После секса у всех кобелей вкус пропадает.

– Да говорю же тебе – я не спал с ней!

– Может, и не целовался на скамейке у дома? – Филюк испытующим смерил меня взглядом.

Я вскочил со скамьи.

– Это был не поцелуй!

– В суде расскажешь, что это было. А кто забирал Мариэтту из роддома? Сколько там рожениц? Почему же ты их детей не брал на руки? Молчишь? Вокруг столько красивых и незамужних женщин, а он, кобелина, вклинился в чужую семью. А теперь отказываешься платить. Да тебя судить надо за соращение моей сестры!

– Какой сестры?

– Мариэтты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.